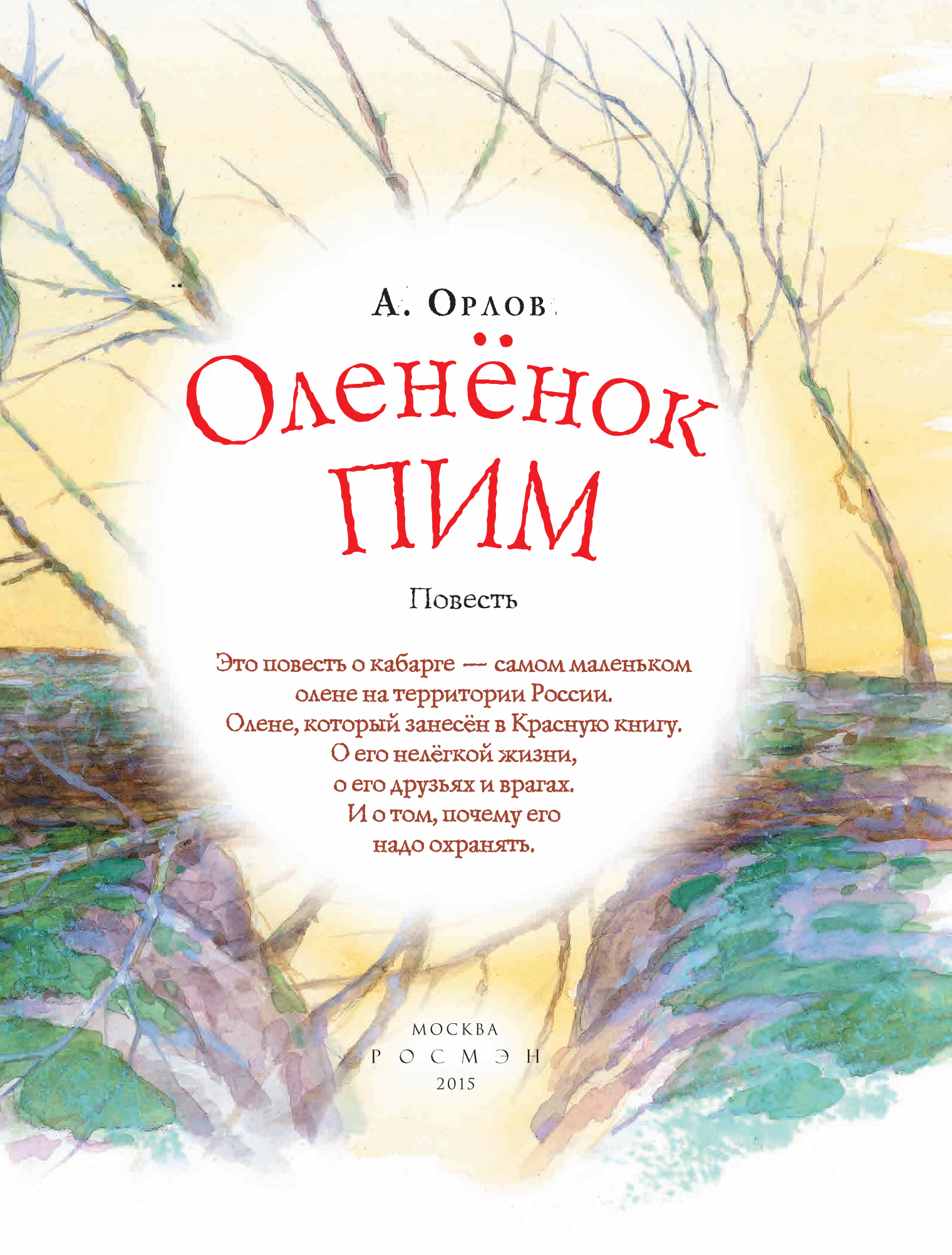

Художник Владимир Стахеев

А. Орлов

Оленёнок Пим

Повесть

Это повесть о кабарге — самом маленьком
олене на территории России.
Олене, который занесён в Красную книгу.
О его нелёгкой жизни,
о его друзьях и врагах.
И о том, почему его
надо охранять.

МОСКВА
РОСМЭН
2015

Часть первая

ДЕТСТВО

Двумя олешками в тайге стало больше

Первый летний циклон накрыл юг острова сразу от побережья до побережья. Тёплый сеющий дождь легко пробивал не только едва распустившиеся листочки берёзы и ольхи, но и густые угрюмые кроны разлапистых елей. Подстилка из опавшей хвои под пологом леса сразу вспухла и ощетинилась пиками буйного разнотравья. Природа оживала на глазах.

Наконец-то лето добралось и до предгорий Камышового хребта, самого главного хребта острова Сахалина. Добралось к большому удовольствию лесных обитателей. И мужественно перенёсших зимнюю стужу поползней, синичек, рябчиков, и счастливо перезимовавших четвероногих обитателей, больших и малых, — от крошечной землеройки до бурого медведя.

Несмотря на затяжной дождь, весело стучал клювом по коре усыхающей пихты красноголовый дятел. По стволам елей сверху вниз и обратно суетливо сновали юркие поползни, радуясь теплу и дождю.

Под сопкой звонко журчал ручей, переливаясь серебристыми струйками по камушкам. А ведь совсем недавно он глухо стонал под тяжестью вешних вод, скопившихся в теснинах каменистого распадка. Вот что значит наступило лето.

Но самое интересное событие в это время развёртывалось под шатром ветровальных, то есть поваленных ветром, елей, на обрывистом берегу ручья. Там, в уютной ложбинке, как зонтиком прикрытой от дождя ветвями упавших деревьев, у хозяйки этих мест, симпатичной кабарожки, родилась двойня. Два крошечных олешка всего по полкилограмма весом, которые сразу же тоненьким писком «пи-пи-пи» потребовали от мамы полного внимания.

Осторожный ветерок прижал трогательный писк к сухой подстилке, и звонкое «пи!» превратилось в приглушённое «пим». Приглушённое и совсем не слышимое для посторонних ушей. А их так много в тайге!

Пим, Пимочка... Ну чем не имена для долгожданных малюток? Ласковые и трогательные. Так и окрестила мама любимых чад.

Через три месяца от жирного маминого молока и сочной зелени вес Пима и Пимочки увеличится на порядок. Они уже не будут такими беспомощными, как сейчас. Но это когда ещё будет! Пока же основная задача Пима и Пимочки — лежать тихо и ждать маму. Лежать, не привлекая внимания хищников, которых так много кругом.

Богатые наследники

Мама Пима и Пимочки немолода. Обычно кабарожки живут в среднем не более пяти лет: слишком много врагов у них. А мама Пима и Пимочки разменяла уже десяток...

За долгие годы жизни она сумела обзавестись роскошным родовым участком. С густыми ельниками, с ветвей которых свисает вкуснейший лишайник уснея. С роскошной солнечной полянкой, поросшей изумрудной травой. С многочисленными схронами и отстоями, где можно укрыться от врагов и защититься от въедливого гнуса. На участке есть даже собственный ручей с небольшим озерцом и лечебными грязями по берегам. Так что Пим и Пимочка, по здешним меркам, богатые наследники.

А ещё их мама — большая лакомка. Очень любит грибы. Из-за них с такими же любителями таёжного деликатеса — рыжими белками — порой возникают небольшие ссоры. К грибным местам у мамы даже проложены тропы. Но они ещё ни разу не стали тропами войны. С соседями мудрая кабарожка старается жить мирно.

Участок имеет ярко выраженные границы: хребты, ручьи, осыпи... Охрана держится на обыкновенных

метках. Они у мамы Пима и Пимочки по всему периметру родового участка. На всех мал-мало заметных местах. Каждая метка представляет собой просто уборную, в которой год из года накапливаются продукты жизнедеятельности. Чем больше кабарожка прожила на свете, тем больше и выше метки. И тем больше внутренних секретов в них. Секретов, нашпигованных информацией. Считывая её, любой представитель кабарожек может узнать о хозяине или хозяйке буквально всё. И о возрасте, и о характере, и о желаниях, которые возникли на этот час. Как с компьютера... А так как самые крошечные олешки ещё и очень законопослушны, на меченый участок здравствующего сородича никогда покушаться не будут. Тем более такого умного и везучего, как мама Пима и Пимочки.

В родовом шатре надёжно и уютно. Мама только что вернулась с кормёжки. Обычно основной корм её — уснея, седой лишайник. Сегодня первый раз она паслась на родовой полянке. Уходила в густых сумерках, когда хищники *уже* спали. Вернулась, когда лучи солнца чуть-чуть окрасили восток, закрытый остроконечными сопками. Когда хищники *ещё* спали. Вернулась привычным путём.

Сначала долго запутывала следы, уводя возможных врагов в сторону. Потом след в след возвращалась обратно к распадку. По ветровальной ели перебиралась на противоположную сторону. Туда, где ждали её двойняшки. А так как вершина ели не доставала до противоположной стороны и зависала над бездной, последние метры кабарожка, в буквальном смысле слова, перелетала по воздуху.

Попробуй проследи её передвижения — не получится. Но только такая маскировка позволяет маме Пима и Пимочки сохранять тайну родового шатра.

Первая опасность

Первый месяц для кормящей мамаши самый тяжёлый. Нужно быть не только очень заботливой, но и бдительной. А подрастающие детки так любопытны и неосторожны, что от отчаяния у мамы голова идёт кру́гом. Чуть что, тоненькими голосками верещат: «пи-пи-пи». Мол, что это такое, мама? Нам внимание требуется, а ты чем-то своим занята... И демаскируют себя. А хищникам только этого и надо. Первый выход в свет для Пима и Пимочки едва не закончился трагедией.

На семейной полянке с вкуснейшей травой, куда мама привела детишек на рассвете, Пим и Пимочка от простора и сытного обеда так расшалились, что позабыли про всё и вся на свете. Тонкое «пи... пи...» слышалось тут и там. Вот и привлекли внимание хозяина здешней тайги — медведя. Ему уже не хватало стебельков и корешков высокотравья, набирающего вес и рост по берегам ручья.

Медведь давно перестал быть вегетарианцем и регулярно заглядывал — не из любопытства, конечно, — и в гнёзда птичек, и в муравейники, и в норки грызунов. Интересовался всем, что передвигалось, летало, прыгало... И вдруг ветерок донёс до него тонкое «пи-пи-пи».

Медведь двигался тихо и бесшумно, а предрассветная сырость скрадывала тяжёлую медвежью поступь. Но кабарожка сумела почувствовать опасность. Она высоко подпрыгнула сразу на четырёх ногах и мгновенно определила источник тревоги.

Ещё не смолкло короткое предупреждающее фырканье мамы, а детишки уже лежали в ближайшей ложбинке. Лежали, слившись с пожухлой прошлогодней травой. Захочешь найти — не найдёшь.

Запах и вид желанной добычи затмили разум медведя. Он был ещё молодой и неопытный, и всё его внимание сосредоточилось на взрослой кабарге...

В беге на короткие дистанции в тайге медведю нет равных. Но в целом бегун он неважный. А тут короткой дистанции не получилось. Длинные «заячьи» ноги кабарги легко выбрасывались вперёд, что позволяло делать ей прыжки, не уступающие медвежьим... А крутой поворот на девяносто градусов, который сделала кабарга в мелколесье, сбил медведя с толку окончательно. Сделав ещё несколько «фирменных» пируэтов, мама Пима и Пимочки своим же следом вернулась на полянку.

Детишки, трясясь от страха, продолжали лежать в ложбинке.

С этого дня, чтобы исключить встречи с медведем, страдающим от бессонницы, пришлось поменять график кормёжки. На выпас стали выходить сразу же после полуночи. Возвращались в шатёр ещё до рассвета.

Но время шло. Детки росли. И мама была уже не указ им. Всё чаще на полянку они выходили самостоятельно. Порой среди дня, когда мама отдыхала. И у них уже появились первые друзья.

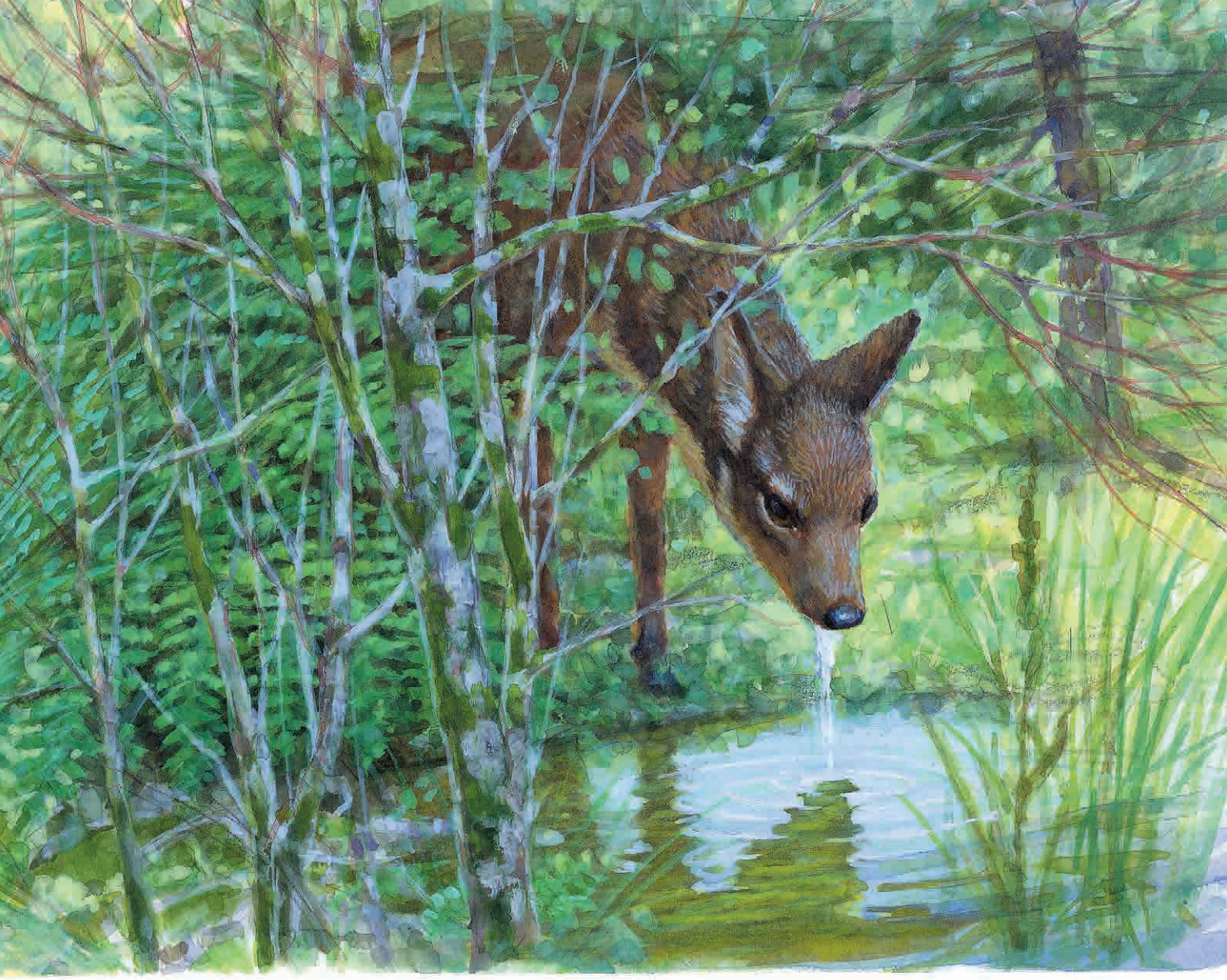
Какие же мы красивые!

Материнского молока давно не хватало. Пим и Пимочка всё активнее осваивали подножные корма. Травку, веточки, грибы, ягоды... Солнечная полянка стала постоянным местом обитания. Если мама выходила на кормёжку всего лишь пару раз за сутки, и то в сумерках, то Пим и Пимочка появлялись на поляне даже в дневное время. Несмотря на строжайший запрет.

Запрет запретом, но как быть, если заяц опять предлагает побегать наперегонки? Если разноцветные стрекозы с цветка на цветок перелетают только в солнечную погоду? Если самые интересные вещи можно увидеть только днём? Олешки порой так увлекались играми, что забывали даже обустроить лёжки, где можно было бы укрыться в случае опасности.

Сегодня мама повела их на водопой. На первый водопой по ещё одной тайной тропе. Это место на берегу ручья давно облюбовал и здешний охотник. Каждый раз после удачной охоты он делал на берегу привал. Но охотник бывал в тайге редко, только в сезон охоты. Поэтому пути-дорожки олешков и охотника ни разу не пересекались.

Кострище от многоразового пользования разрослось и вширь, и ввысь. Древесная влажная зола

была мягкой и солоноватой. Разве могли Пим и Пимочка отказаться от такого лакомства? Конечно нет. Ведь они росли как на дрожжах. Неокрепшим организмам требовались минеральные соли, а в золе их хоть отбавляй.

После такого лакомства студёная вода пилась с ещё большим наслаждением. Пим в очередной раз припал к воде. И вдруг заметил, что из глубины ручья на него уставилась какая-то уродина. Большие выпуклые глаза на маленькой головке. Большие напряжённые уши. Тонкие саблевидные клыки, устраша-

ющие торчащие из верхней челюсти. Маленькая, как бы искусственно приставленная к объёмной задней части тела грудка с такими же маленькими ножками. И неестественно массивные задние ноги.

— Ну и уродина! — фыркнул Пим.

К его изумлению, уродина тоже фыркнула. Пим предупреждающе грозно подпрыгнул. Подпрыгнула и уродина. Он угрожающе боднул головой. Из воды тоже боднули. Ударил от злости копытом. По воде разбежалась рябь. Уродина сразу исчезла. И понял Пим, что бодался сам с собой. Ему стало так больно и грустно, что эту боль и грусть не могла не заметить мама. А заметив, нежно сказала:

— Мальчик мой, ты ещё поймёшь, как красиво твоё тело! Как неповторимо оно!.. Как тебе повезло, что природа всё лучшее воплотила именно в тебе. Чтобы ты был в движении и быстрым, и лёгким. А значит, и неуловимым. Чтобы жил долго и счастливо.

И Пиму сразу стало легко и спокойно.

Новый друг

Лето на Сахалине быстротечно. Не успеешь оглянуться, а оно уже к концу подходит. Мягкие детские шубки Пима и Пимочки со светло-серыми нечёткими пятнами по бокам сменились на более практичные взрослые, бурого окраса. Светло-серые полосы, протянувшиеся от уголков нижней челюсти через грудь к передним конечностям, делали шубки незаметными на фоне увядающей природы.

А у Пима на брюхе появилась большая железа, наполненная густым, остропахучим секретом. Отличительная черта мужской особи. Его гордость и его проклятие, но об этом будет отдельный сказ.

Пим и Пимочка уже прекрасно ориентировались на своём участке, знали все сладкие и вкусные места. У них даже появился первый друг — большой пёстрый дятел с весёлой красной шапочкой на голове.

В первые дни жизни дятел причинял близняшкам много беспокойства. Они постоянно вздрагивали от резкого барабанного боя, стараясь как можно глубже вжаться в шуршащую подстилку. И хотя мама сразу же успокаивала Пима и Пимочку: «Не бойтесь, маленькие, это всего лишь дятел», — они продолжали бояться. И боялись до тех пор, пока не увидели дят-

ла своими глазами. В ветровальнике. Совсем рядом с домом. Там, где было особенно много упавших и усыхающих деревьев, а значит, и короедов. Вот ради них, нежных и тающих во рту, дятел и долбил жёсткое дерево. Отдерёт кусок коры, а под ней бесконечное множество ходов короеда-типографа. Ходов, так похожих на печатные строчки.

Кроме короедов, в ветровальнике было много усачей — больших чёрных жуков с длинными усами, в чёрных мантиях. Усачи частенько садились на носы Пима и Пимочки, щекоча их. Малыши смешно морщили носики и долго чихали, пугая усачей. Им было так весело при этом... А дятел этих усачей-монахов просто склёвывал. И правильно делал. Если бы не он и его сородичи, хвойнику пришлось бы очень плохо. Вредители попросту уничтожили бы его.

Но дятлы сумели сдержать наступление и короедов, и усачей. Не дали распространиться на живые деревья. Так что корма у дятлов было предостаточно. А где корм, там и дом. Дома-дуплянки у трудолюбивых дятлов появлялись как грибы. Их хватало и для себя, и для белочек, и для пернатой мелюзги: сини-

чек, поползней... Дятлы — птицы нежадные. Понравился кому-то из гостей домик — заселяйтесь, пожалуйста. А мы себе другой построим.

Наверняка друг-дятел построил бы дом и Пиму с Пимочкой, так понравились ему любопытные и весёлые кабаржата. Да не нужен кабаржатам дом на такой верхотуре.

Вот и сейчас, когда по крутому отрогу хребта Пим и Пимочка спускались на водопой, буквально в двух шагах от них на комель усыхающей ели опустился красноголовый друг. И сразу выдал дробь. Да такую, что Пим и Пимочка присели от неожиданности. А дятел, поблёскивая маленькими весёлыми глазками, посмотрел на двойняшек лукаво, как бы говоря: «Ну, как я вас напугал?» И вновь ударил в барабан:

Мол, я очень рад вас видеть.

И то, что вы живы.

И то, что вы есть.

И то, что вы здесь.

Но дружба — дружбой, а работа — работой.

А работы у меня непочатый край.

Так что до встречи...

Встреча была мимолётной, но под её впечатлением прошёл весь день. Вот что значит встретить друга.

Урок ботаники

То, что на родовом участке много всяких вкусностей, Пим и Пимочка уже знали. Они легко находили в чащобах и на полянке полюбившиеся травки и веточки. Но вечно озабоченная мама, несмотря на явную самостоятельность детишек, решила в один из пасмурных дней преподать своим любимцам урок ботаники, чтобы знаний было ещё больше. Вкусности как появились, так могут и исчезнуть. Запас их не бесконечен. И надо знать, чем их можно заменить. Есть-то хочется каждый день...

Урок начался с белокорой пихты, ствол которой был усеян смолистыми пупырышками, а веточки — густыми плоскими хвоинками. Хвоинки были такими нежными на вкус, что таяли во рту. Но из-за вяжущей смолистой терпкости интерес к ним быстро пропал, и мама переключила внимание детишек на бородатую ель, стоящую рядом, — основной корм кабарожек в зимнее время. Лишайник разросся так, что ели казались седыми и на фоне изумрудных пихтушек выглядели старушками. Но на вкусовых качествах такое обстоятельство совсем не отражалось.

В неглубокой мочажинке, свободной от травы и бамбука, росло несколько кустиков ивы. Мама виртуозно состригла самый крупный из них. Пим и Пимочка по-

вторили её движение. Сладковатые веточки казались верхом блаженства. Не обделили вниманием и островок кремнистого хвоща, и куртинку пышного, как перья страуса, папоротника. Урок становился таким увлекательным, что Пим и Пимочка позабыли о времени.

Они уже успели попробовать на вкус и тоненькие веточки берёз, струйками дождя свисающие с белых стволов. И заячью капусту, растущую рядом. И много-много других вкусностей. Но тут случился конфуз. Пим по неопытности перепутал стебельки сладкой черемши со стебельками чемерицы, горькой и ядовитой. Но тут же исправился.

— С кем не бывает, — только и сказала мама. А потом предложила детишкам сладкий десерт. — Заслужили, ученички...

Правда, за десертом пришлось спускаться к ручью. Там все деревья без исключения — берёзы, ели, рябины — были увиты необычайно цепкими лианками. Верхние плети лианок терялись в густых кронах деревьев. Тыльная сторона листочков пестрела белым и розовым цветом, отчего деревья при малейшем ветерке переливались цветными блёстками, словно в лес уже пришло время новогодних праздников. Праздничными игрушками свисали зеленовато-жёлтые бочоночки ягод. Эти ягоды были такими сладкими и нежными, что глаза Пима и Пимочки сами закрывались от блаженства.

Маме удалось найти даже несколько кустиков красники, к великой радости двойняшек. Когда-то у подножия склона её было очень много. Но краснику безжалостно вытеснил бамбук. Страшнее этого агрессора в лесах Южного Сахалина нет.

Кисловато-сладкие ягоды красники быстро утолили появившуюся жажду и придали бодрости. У ягод был запах раздавленных клопов, за что краснику на Сахалине ещё называют «клоповкой». Но от этого вкус её не сделался хуже. Усталость сразу сняло.

...Урок заканчивали на родовой полянке. Полянка, которую не один раз избе́гали вдоль и поперёк, тоже, оказывается, хранила столько секретов и тайн! И их ещё предстояло разгадать.

Язык леса

Каких только звуков не услышишь в тайге. Каждое дерево, каждый кустик говорят на своём языке. Каждая травинка, даже если она сухая. Дунул ветерок — и началось...

Пим и Пимочка по первости здорово пугались. Скрипы, всхлипы, вздохи со всех сторон. Какие-то шорохи. Попробуй угадай, кто на каком языке говорит, откуда опасность может появиться. Но опять же помогла мама. С её помощью язык леса освоили не хуже, чем ботанику. А язык птиц и зверей даже стали понимать понемногу.

Вот резкий хриплый хохот потряс округу. А Пим и Пимочка спокойны. Чего волноваться, если они знают, что это их друг-заяц так веселится на очередной свадьбе. Опять, наверное, подрался косой с кем-то из родственников.

Зачастили скороговоркой сойки у ручья. Тревожно, возмущённо. И сразу тревога соек передалась Пиму с Пимочкой: крупный зверь рядом бродит или человек... Но оказалось: ни то ни другое. Над головой скользом пролетел ночной разбойник-филин. А следом за ним с такой же лёгкостью — галдящие сойки. Днём филин плохо видит и беспомощен. Отсиживался где-то в дупле. И как только сойкам удалось поднять его?

Сейчас бояться филина нечего. А вот в сумерках... Не дай бог, попасть такому в лапы. Но всё равно молодцы сойки, что предупредили.

Под комель старой растрескавшейся пихты шумно опустилась парочка рябчиков. Ядро дерева разложилось буквально в пыль. И труха через трещину высыпалась под корневище. В этой трухе рябчики устроили

себе порхалище — очищают пёрышки от насекомых. Пим и Пимочка сначала вздрагивали от перепархивания лесных петушков. Теперь привыкли. Не пугаются. И даже сами не раз барахтались в пыли, принимая оздоровительные ванны. Насекомых и у них хватает.

Словно от боли застонал старый дуб. Глухо зашумели ели и пихты, сочувствуя ветерану. Пим и Пимочка уже хорошо знали, что дело идёт к непогоде. Язык деревьев они освоили в совершенстве. Надо побыстрей закончить завтрак и найти надёжное убежище, чтобы переждать непогоду.

Над головами с дерева на дерево спланировала белка-летяга. Летящий следом снаряд опередил её на доли секунды, не дал бедняге приземлиться на ветку каменной берёзы. Силой своей тяжести сбил белку на землю... Резко запахло свежей кровью. Юркий соболёк настиг свою добычу в воздухе.

Пиму и Пимочке придётся с ним встретиться ещё не один раз. А пока они так вжались в прошлогоднюю подстилку, не то что соболю — маме трудно их найти.

По кронам хлёстко ударили первые капли дождя. Началось... Пора искать надёжное укрытие.

Не стало Пимочки

Рунный ход лосося — явление в природе зрелищное, не поддающееся описанию и захватывающее дух. Вода так и кипит от лосося, спешащего на нерест. В это время года даже неумёха и лентяй не останутся голодными. Но, увы, не в этот год.

Рыба запаздывала. Запаздывала безнадёжно. Из-за необычайной жары устье основной реки оставалось перекрытым железной сеткой. Рыбу не пускали в реку, чтобы избежать заморов — гибели от нехватки кислорода в перегретой воде. Но как объяснить это лесным обитателям?

Медведи часами сидели в засадах, высматривая долгожданную рыбу. Без неё и жирка не нагуляешь, и в зимнюю спячку не заляжешь. В восходящих воздушных потоках парили орланы и скопы, планируя над руслом реки от одного воздушного завихрения к другому. И тоже ждали рыбу. Подрастающим птенцам требовалось много белкового корма. По лососю скучали и соболь, и норка.

А он всё не шёл.

У семейства кабарожек к этому времени появились большие проблемы. Под плотной шёрсткой лёгких шубок скопилось несметное количество кровососов: клещей, личинок гнуса и другой мелкой нечисти, которой

переполнена тайга в это время и которая не даёт житья лесным обитателям. Изъязвлённая кожа кровоточила, чесалась, доводила до изнеможения. Набравший жирок молодняк на глазах терял вес.

Всё чаще дружная семейка появлялась на берегу крошечного озерца, чтобы принять целебные грязи. Особенно тяжело пришлось Пимочке. Её кожица была очень нежной, тоненькой и легко поддавалась проникновению кровососов.

Пимочка окончательно потеряла аппетит и ослабла. А слабым всегда приходится туго. Острозубый соболёк и не мечтал о такой добыче. Довольствовался грызунами и содержимым птичьих гнёзд: птенцами, яйцами. Был удачлив и везуч. И всегда сыт, как и сейчас. Но и сытый, он оставался хищником. А какой хищник откажется от царской добычи!

Мама вовремя заметила опасность.

И можно было бы всем уйти в спасительную чащу, но Пимочка ослабла... её тело не было лёгким и послушным, как всегда.

Острые зубы соболя впились в изъеденную кровососами шею...

На озёрную грязь, взрыхлённую копытцами кабарожек, опустилась стайка небольших куличков, носами, как иглами, штопая углубления, оставленные копытцами. Кулички сновали молча и деловито, то что-то выискивая, то что-то вытаскивая. И до таёжной трагедии им совсем не было дела...

Так уж устроен мир

Чем взрослее становился Пим, тем больше вопросов возникало в его головке.

Здесь мы живём. Здесь наш дом. И здесь мы всего боимся. Разве это правильно, мама? Прячемся от медведя. Обходим дупло совы стороной. Стараемся, чтобы не заметил орлан с воздуха... А я вот возьму и перестану бояться. Пусть знают все, кто на участке хозяин.

Но не успел Пим додумать свои мысли, как на поляну выскочила лиса. С подветренной стороны, откуда мама-кабарожка опасности совсем не ждала. Рыжая. Неопрятная. С клочьями торчащей шерсти.

Спасительные скалы далеко. Дерево-мостик через распадок — тоже. А внизу — обрыв над крошечным озерцом. Пим даже не понял, как очутился с мамой в этом озере.

И куда только делись мысли о том, что он перестанет бояться всего... Что он единственный хозяин здесь...

Считаные метры отделяли лису от желанной добычи. Но этими метрами была вода... А плавать плутовка не любила... Затаившись в кустах, лиса долго ещё ждала момента, когда олешки выйдут на сушу.

Но мама Пима хорошо знала её уловки. Да и терпения у неё тоже не занимать...

Вот здесь, среди родового озерца, под горящим взглядом лисицы, Пим и понял смысл жизни. Её уклад. И кто хозяин — тоже. Оказывается, хозяев в тайге очень много. Как звёзд на небе. Как капелек росы на траве. От крошечного червячка до громадного медведя. Только у каждого хозяина своё предназначение. Свои тропки-дорожки. И не дай бог, если они пересекутся, как сейчас...

И тогда червячком закусит один из птенцов крошечной мухоловки. Как червячок только что закусывал мякотью гриба. А птенец попадёт на обед всеядной крысе-пасюку. Крыса — к орлану-белохвосту. Птенцам орлана тоже надо что-то есть...

Но дерево вместе с гнездом упадёт на землю под натиском бури. И енотовидная собака случай утолить голод тоже не упустит. Зазевавшуюся собаку задавит медведь. А его в свою очередь подстрелит охотник. Вырежет желчь и бросит тушу на съедение червям.

Пищевая цепочка началась с червя, им же и закончилась. Так уж устроен мир.

Гон

Зима всегда приходит, когда её не ждут. Весь день светило яркое солнце. Было тепло и безветренно. Казалось, что такая благодать будет длиться вечно. Пим до самых сумерек бродил по пойме ручья, отыскивая в редком ивняке последние осенние грибы.

Он даже во сне не мог освободиться от впечатлений прошедшего дня. Всю ночь ему снились опята, густо облепившие стволы деревьев. Пим и во сне продолжал их срывать жёсткими губами, подпрыгивая и вставая на задние ноги, истекая сочной слюной.

И белка снилась. Та, что возмущённо цокала на него прошедшим днём, когда Пим пытался дотянуться до засохших ивовых веток, на которых запасливая хозяйка развесила желтоватые кружочки грибов.

Всю ночь, как в цветном калейдоскопе, прокручивались события беспокойного предзимнего дня. Пим вздрагивал, дёргал во сне ногами и... продолжал спать. Спал так сладко и крепко, что проспал приход зимы. Зимы, которой ещё ни разу не видел, но о которой так много слышал.

Пробуждение было полно сюрпризов. Стояла необычно звонкая тишина. С небес бесшумно падали белые хлопья. Шоколадная спинка кабаржонка тоже стала белой. Как и вершинки стоящих деревьев. Как сухая трава и старые замшелые пни. Ошалевший от необычайно светлой тайги, Пим был в таком возбуждении, что маме пришлось успокаивать его.

В поведении мамы тоже что-то изменилось. На родовом участке неожиданно появился табунок олешков. Два самца и две важенки. А мама, вместо того чтобы изгнать незваных пришельцев, весело и бесшабашно носившихся по её тропам, сама присоединилась к их веселью. И даже забыла про существование сына.

Пим был потрясён. Всё происходящее вызывало жгучую ревность. Но повлиять на поведение мамы он, увы, не смог. Мама, его строгая мама, сама превратилась в ребёнка. Важенки игриво скакали по заснеженной полянке. Мама не отставала. Все старались обратить на себя внимание кавалеров — рослого самца-красавца с серебристой сединой на хребте и коренастого, крепко скроенного, довольно молодого олешка.

Как настоящие рыцари, они устроили на открытой полянке турнир для избранниц своего сердца. Рослый самец с устрашающим чуфыканьем теснил своего юного соперника к лесу. К трибунам, которые занимали восторженно притихшие дамы.

Юный олешек яростно сопротивлялся, но пятился метр за метром под напором более опытного

и сильного. Природа не наделила соперников рогами. Саблеобразные клыки, которые они носили в уголках верхних челюстей, были не в счёт: это всего-навсего украшение, подчёркивающее мужскую принадлежность.

Нанести повреждения друг другу рыцари не могли. Да это и не самое главное. Унизиться в глазах возлюбленной куда страшнее, чем получить раны...

Пим наблюдал за всем со стороны. Пройдёт всего год, и он попробует свои силы в рыцарском турнире. Если, конечно, переживёт зиму.

В браконьерской петле

Кабарга для охотника всегда считалась ценным трофеем. И не столько из-за мяса, сколько из-за кабарожьей струи. Так ещё называют мускусную железу кабарги, вырабатывающую особое вещество — мускус.

В середине девятнадцатого века в Сибири и на Дальнем Востоке заготавливалось в год до восьмисот тысяч таких вот кабарожьих струй. Слава о кабарожьем мускусе гремела по всему миру. Им лечили удушье, конвульсии, нарывы, поднимали самочувствие.

Ничтожная капля мускуса, добавленная в духи, многократно увеличивала стойкость запаха. И парфюмеры всего мира уже не могли обходиться без кабарожьей струи. Её требовалось всё больше и больше... И всё больше и больше сокращалось поголовье кабарги.

Мускусная железа для миниатюрного олешка стала таким же несчастьем, как для пятнистого оленя рога-панты. Как для бурого медведя желчь. Кабаргу так яростно истребляли, что в некоторых районах она исчезла вообще. А в других кабаргу пришлось заносить в Красную книгу, чтобы спасти от полного истребления.

С тех пор утекло много воды. И парфюмеры уже могут обходиться без кабарожьей струи. И лекарств

много новых появилось, которые лечат вся и всё. Но восточная медицина по-прежнему держится на животном и растительном сырье. А границы пока у нас не закрыты полностью...

Вот и появилась на одной из кабарожьих тропок стальная петля. Часть ствола, перекрывающего тропу, была аккуратно выпилена. И попробуй рассмотри в просвете металл.

В рассветном полумраке мама шла первой. Пим копировал её движения, ориентируясь на зеркальце — маленькое белое пятнышко под коротким хвостом. И вдруг мама упала. Встала. Снова упала... Забилась в судорогах. И чем больше билась, тем туже затягивалась петля на шее.

Мама ослабла и затихла. Пим ещё около часа лежал рядом с ней. Лежал, не понимая, в чём дело. Не понимая, почему его мама устроила отдых на таком опасном месте.

Но вот совсем рядом ухнул филин. Пим бросился в укрытие. Больше он маму не видел...

Часть вторая

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Голод

Зловещая мёртвая тишина нависла над тайгой. Своё название «лютый» февраль оправдывал с лихвой. В такие холода скудная и низкокалорийная пища не успевала восстанавливать энергию лесных обитателей. Её пожирал холод.

Особенно трудно было мелким пичугам. Им приходилось то и дело вылетать на кормёжку. Вылетать... и не возвращаться. Сколько их замёрзло на лету, камнем упав на искрящийся снежный наст? Не счесть.

Приуныли даже белки. Шишек в тайге не осталось. Все запасы съедены... На завтрак, ужин, обед одно и то же блюдо — кора да лишайник... Роскошные беличьи хвосты, всегда находящиеся в идеальном состоянии, поникли, потеряли блеск.

Перестали устраивать перебранки сойки. Впервые за всю зиму галечники, в которых сойки добывали камешки для перетирания пищи, оставались закрытыми снегом.

Для Пима тоже пришли тяжёлые времена. Была бы мама — помогла. Но нет больше мамы. До свисающей с веток уснеи он дотягивался с трудом. С каждой кормёжкой приходилось уходить от лёжки всё дальше и дальше, пока кабаржонок не оказался на скальном хребте. Сколько раз выручал он Пима! Укрывал его от четвероногих хищников! Спасал от гнуса! А теперь спас и от голода.

Под каменистым навесом одной из расщелин Пим нашёл целую охапку сена и веточек. Ароматных, шуршащих, словно только скошенных. Кучка заботливо была прикрыта от ветра плоскими камешками. Её хватило, чтобы вдоволь наесться и устроить мягкое ложе. Давно Пим не был таким сытым и счастливым. Давно так славно не отдыхал. Под лёгкое завывание ветра кабаржонку спалось крепко и безмятежно. Пока его не разбудил плач.

Плач сеноставки

Таких звуков Пим ещё не слышал. Вскочил и замер. Сна как не бывало. Тёплое ложе запарило и окуталось густым туманом. Перед обрывом на огромном валуне сидело зайцеподобное существо и горько всхлипывало. Буровато-серая спинка при каждом пронзительном звуке вздрагивала. Прижатые к голове уши мелко тряслись.

Существо так походило на его друга-зайца, что Пим сразу успокоился. Опасности пищуха (или сеноставка) — так звали зверька — для него не представляла.

Обильно посыпав горохом ещё не остывшее ложе — где обед, там туалет, явление для олешков привычное, — Пим начал спускаться с отрогов хребта вниз. Поближе к родному шатру. Туда, где чувствовал себя всегда в безопасности.

Ограбленная пищуха продолжала рыдать над остатками своих запасов. Невесть откуда взявшийся орлан камнем спикировал вниз... Ему повезло. Он голодал уже неделю.

Его сородичи, сбившись в стаи, давно откочевали на север острова Хоккайдо, где теплее и сытнее.

А он, гордец, остался. Остался, мужественно перенося невзгоды. Ведь здесь его родина.

Видно, за мужество судьба и оказалась благосклонна к орлану.

После пурги

Ещё вчера мороз трещал так, что даже голодным не хотелось покидать согретое ложе. Но к утру резко потеплело. Воздух стал не по-зимнему влажным и мягким.

Пим уже знал, что это к пурге. А значит, опять придётся отлёживаться в укрытии. Опять голодать. Как и всем лесным обитателям.

Снежная круговерть прекратилась только на третий день. И сразу же у голодного зверья началось оживление. Далеко от мест укрытия не отходили. Зачем привлекать внимание хищников!

Бисером расписали мыши ослепительное снежное покрывало. Но недолго радовала эта роспись матушку-природу. Размашистым росчерком, крест-накрест, мышиную вязь перечеркнул след лисицы. Удачливая лисица успела поставить даже несколько рубиновых точек на свою «резолюцию». Не повезло мышкам-норушкам.

А Пим от лёжки не отходил далеко. Страшно! Кормёжка после пурги сродни карточной игре. Повезёт не повезёт — дело случая.

И на этот раз козырь выпал лисице. Свежие следы кабаржонка прочла легко и играючи. Вот что значит

сытый желудок. И так же играючи сокращалось расстояние между жертвой и добычей. Лиса по рыхлому снегу не бежит — стелется. А кабаржонок, хоть копытца и раздвижные, тонет в рыхлом снегу... Хватательный бросок у лисицы сильный. Постаралась захватить кусок как можно больше. Чтоб жертва не ушла.

И отхватила! Не учла, что у кабаржонка шерсть сзади не только длинная и густая, но и ломкая. И забила плутовка пасть. Давится — дышать нечем. А кабаржонка только и видели! По ветровальной ели сумел перелететь на другую сторону распадка. Маминой уловкой воспользовался.

Лиса не эквилибристка, у неё таких цепких копытец нет. Пришлось опять мышковать.

Заячьи свадьбы

Самое тяжёлое время для лесных обитателей — конец зимы. Снег осел. На поверхности — корочка. Тоненькая. А режет, как стекло. Попробуй уйди по такому насту от хищников.

Вот и отлёживается днями Пим в спасительном схроне. Терпит голод. Терпит стужу. Выходит на кормёжку только перед рассветом, когда снег промерзает и не проваливается.

Рядом лёжка зайца. Друга-зайца. Заяц и видит неплохо. И чутьё у него отличное. Он даже во сне приоткрывает по очереди глаза: а вдруг? Да и ушами всё время водит по очереди. Всё у него под контролем. С таким сторожем не пропадёшь. Так что с другом ему повезло. Но в последние дни заяц совсем сошёл с ума. Совсем ошалел. Что ни день — свадьба. Что ни день — разборка.

Смешно смотреть, как косые друг друга дубасят, стоя на задних лапах. А какие рожи корчат при этом! Умора! От их плаксивых криков Пим устал вздрагивать. А другу-зайцу всё трын-трава. Вот и сейчас сидит на полянке, выгрызая ледяные катышки из шёрстки, — готовится к новым боям, к новым разборкам.

А Пим лежит тихо. Пережёвывает жвачку, думает свои думы. К такому буйному соседу и лиса в гости может пожаловать. Второй раз на одну и ту же уловку плутовка не купится. Но ничего не поделаешь. Друг есть друг.

Стожок

Пим давно смирился с тем, что он один-одинёшенек на белом свете. И вдруг по свежей позёмке следы. Следы копытцев. Много следов. Правда, ведут они в долину, на которую мамой наложен запрет: там человек, а значит, туда нельзя... Но мамы нет, и запрет потерял силу.

Опутанный морозной дымкой, на крошечном лужку, поросшем редким шиповником, небольшой стожок. Стожок так ощипан снизу, что напоминает гриб. Небольшой табунок миниатюрных олешек под его заснеженной шляпкой сосредоточенно жуёт шуршащие сенинки.

На Пима никто не обращает внимания.

Здесь и рослый самец с серебристой холкой, которого Пим встретил на маминой свадьбе. И его коренастый соперник. И парочка незнакомцев, тоже самцов. Холостяцкая компания.

Совсем недавно были соперниками. Бега. Турниры. Демонстрация силы. Потеря аппетита и сна...

Теперь всё это позади. До новых свадеб — одна компания. Дружная. Верная. Сообща легче переносить невзгоды и стужу. Все жуют сосредоточенно. Растра-

ченный жирок на зимних харчах нагнать нелегко. Но надо: не за горой новые свадьбы. И каждый хочет быть победителем.

Пим присоединяется к обеду. Из-под остожья — основания стога — сквозь берёзовые жерди на него оценивающе уставились две пары глаз. Проснулись енотовидные собаки. Они залегли под стожок ещё по первому снегу. Под шубой шуршащего сена было тепло и уютно, но теперь шубу наполовину съели олешки. Ветерок вовсю гуляет под остожьем.

Пим самый маленький в компании. Всего полпуда весом. Да и росток едва полметра перевалил. Был бы один — завалили бы кабаржонка еноты не задумываясь. И такой бы пир устроили! Да уж больно компания большая. Забьют. Придётся довольствоваться ягодами шиповника. Вон как призывно горят они на ветру прямо у стожка.

Лениво закаркали вороны. Табунок насторожился, застриг ушами. Олешек с серебристой холкой метнулся в чащу. Табунок за ним. И Пим, естественно...

Крылатые парикмахеры

Мартовские дни не такие тягомотные, как зимние. Природа понемногу оживает после спячки. На глазах оживает. И морозы по ночам не так давят. И солнце пригревает. Пусть скудное тепло от него, но сколько радости лесной мелкоте!

На потемневший снег, пусть ненадолго, но выползли паучки, комарики, козявки разные. Даже бабочка-крапивница и та покинула убежище. Сидит на сухом зонтике сломанной медвежьей дудки. Млеет на солнышке. И невдомёк глупой, что жизнь её держится на волоске. Что эту дудку вот-вот дожуёт кабаржонок Пим. Вместе с ней.

На стожок, как снежная буря, дружно опускается стайка пуночек. Кругом снег, проталин ещё не видно, а тут первые перелётные птицы. Неужели и вправду весна?

Шерсть на олешках за зиму поистрепалась. Слежалась, клочьями вылезает. И как только пернатые обитатели узнают про это? Садятся безбоязненно на спины. Выискивают насекомых между шерстинок. Дёргают шерстинки для гнёзд.

Весна идёт! Ждать не будет.

Мужская компания давно распалась. Разбрелись олешки по своим вотчинам. И Пим снова в своём

родовом имении. И совсем не скучно ему. Ручьи журчат. Мелкота распелась. На ветках деревьев первые листочки.

В родовой шатёр, как к себе домой, каждый день прилетает нахальный крапивник. На хозяина ноль внимания. Садится бесцеремонно на спину, задирая короткий хвостик повыше. И тоненьким клювиком стрижку делает, слежавшиеся шерстинки убирает. И Пиму это нравится. До чего же рукастая птичка-невеличка! До чего же запасливая и хозяйственная. И строится с размахом. Сдать «под ключ» сразу полдесятка домиков — какая хватка нужна.

Где только не лепит их крапивник! И на кустах. И под кустами. И под корягами. И в расщелинах. На любой вкус и цвет. А иначе нельзя, уж очень подружки привередливые. Просто на трели-рулады не купятся, им комфорт подавай...

А Пима жилищные проблемы совсем не волнуют. Всё мамой ещё обустроено. У него одна задача: раз жизнь дана — надо жить.

И он делает это с большим удовольствием.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая
ДЕТСТВО

Двумя олешками в тайге стало больше 5
Богатые наследники 7
Первая опасность 10
Какие же мы красивые! 13
Новый друг 16
Урок ботаники 19
Язык леса 22
Не стало Пимочки 25
Так уж устроен мир 27
Гон 29
В браконьерской петле 33

Часть вторая
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Голод 35
Плач сеноставки 37
После пурги 39
Заячьи свадьбы 41
Стожок 43
Крылатые парикмахеры 45

Литературно-художественное издание
Для дошкольного и младшего школьного возраста

ОРЛОВ АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

ОЛЕНЕНОК ПИМ

Повесть

Художник Владимир Стахеев

Ответственный редактор М. О. ТОРЧИНСКАЯ
Художественный редактор М. В. ПАНКОВА
Технический редактор Е. О. ЛУНЕВА
Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА
Верстка С. А. ПТИЦЫНОЙ

Издание подготовлено в компьютерном центре издательства «РОСМЭН».

Подписано в печать 02.09.15. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Тираж 3000 экз. ID 26919. Заказ № .

ЗАО «РОСМЭН».
Почтовый адрес: 127018, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2. Тел.: (495) 933-71-30.
Юридический адрес: 117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу:* ***www.rosman.ru***

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
(495) 933-70-73; 933-71-30;
(495) 933-70-75 (факс).

В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 г.
книга маркируется знаком 6+

Дата изготовления: октябрь 2015 г.
Отпечатано в России.

Орлов, Анатолий Михайлович

О-66 Олененок Пим/ повесть : А. М. Орлов ; худож. Владимир Стахеев. – М. : РОСМЭН, 2015. – 48 с. : ил.

Повесть А. М. Орлова «Олененок Пим» рассказывает о кабарге – самом маленьком в России олене, который занесен в Красную книгу. Юные читатели узнают о счастливом рождении и нелегкой жизни олененка, о его радостях и огорчениях, друзьях и врагах. И о том, почему его надо охранять. Удивительно поэтичное повествование, написанное простым, красивым языком, познакомит детей с образом жизни и повадками кабарги.

ISBN 978-5-353-07588-2

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6
© Орлов А. М., текст, 2015
© ЗАО «РОСМЭН», 2015